Анатолий Найман

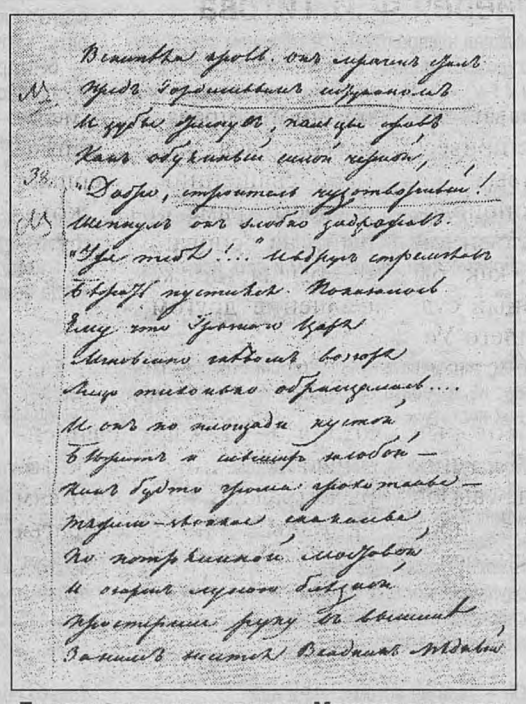
«Медный всадник» Пушкина

Эссе из цикла «Русская поэма: четыре опыта»

Пушкин написал "Медного всадника" осенью 1833 года в Болдине. 6 декабря он через Бенкендорфа отправил поэму на просмотр царю, который после пушкинской ссылки пожелал стать "единственным цензором" поэта, и через неделю получил обратно рукопись с несколькими запретительными пометами Николая. Пушкин записал в дневник: "Я принужден был переменить условия со Смирдиным". Книгоиздатель Смирдин намеревался купить по высшим гонорарным расценкам весь болдинский урожай поэзии и прозы.

В декабрьском номере 1834 года в смирдинском журнале "Библиотека для чтения" было опубликовано "Вступление" под заглавием "Петербург. Отрывок из поэмы". Четыре строчки, вызвавшие нарекания царя, Пушкин, обозначая пропуск по цензурным причинам, заменил точками, а также отсек заключительное пятистишие, связывающее "Вступление" с дальнейшим повествованием. Летом 1836 года он занялся правкой мест, помеченных царем, одновременно редактируя и некоторые другие, но вскоре отложил работу. В таком виде поэма вместе с остальным архивом и попала после его скоропостижной смерти в руки Жуковского, который немедленно стал готовить неопубликованные рукописи к изданию.

Сделав несколько необходимых для публикации исправлений и, соответственно, изъяв несколько строк, Жуковский уже через месяц предъявил отредактированного таким образом "Медного всадника" царю еще раз и получил разрешение на публикацию. Поэма была предназначена для очередного, 5-го тома журнала "Современник". Из-за многочисленных задержек, в подавляющем большинстве цензурных, том вышел в свет только летом 1837 года. В первом посмертном собрании сочинений Пушкина "Медный всадник" в той же редакции открывал IX том, выпущенный в 1841 году. В последующих изданиях постепенно восстанавливался подлинный текст поэмы, пока наконец в 1923 году



Пометки царя на рукописи «Медного всадника» с указанием недопустимых для печати строк.

не был опубликован полностью и точно.

"Петербургская повесть", как назвал Пушкин эту поэму, описывает страшное наводнение 1824 года. Каждую осень многоводная Нева сталкивается в устье с сильным встречным западным ветром и начинает быстро подниматься в берегах. Низкие места, особенно Острова, да и весь город, построенный "под морем", оказываются под угрозой большего или меньшего затопления, раз в несколько лет исполняющейся. В так называемом "петербургском мифе", в мифе о городе, с самого своего основания подпавшем под проклятие "быть пусту", этим наводнениям отводится существеннейшая роль.

Уже первый читатель поэмы, а именно царь Николай, воспринял ее как сочинение историческое, политическое и идейное. Столкновение между императором, основателем столицы, "грозным преобразователем", — и одним из миллионов его подданных, безвестным горожанином, неодолимо притягивая читающую публику, с самого начала, то есть уже 150 лет, отклоняет ее симпатии к тому или другому полюсу магнита, к Петру или к Евгению. Для одних — великий муж, творец истории, ради славы страны, ради мощи государства приносит в жертву бунтующего эгоиста. Для других — на вид забитый и никчемный, но свободного духа человек восстает, пусть обреченно, против рабства, назначенного ему властелином-самодержцем. Самое распространенное заключение у читателей, как раньше говорили, "чувствующих стихи": Петр прав, но Евгения жалко; у людей, от поэзии далеких: маленький человек погибает под копытами исторической необходимости, олицетворенной в Памятнике.

Но к последнему можно прийти, и не читая "печальной повести": "Медный всадник" — не иллюстрация общих мест и идей. Что же касается раздвоенности читательского впечатления, противоречия между умственным признанием правоты одного и душевным сочувствием к другому, то, как во всех случаях, когда наше понимание правды и наша любовь действуют порознь друг от друга, это знак того, что вещь в целом воспринята нами не до конца. То, что поэма едина, бесспорно: ее единство усваивается при чтении инстинктивно. И на этом фоне сама расколотость осознания, раскачивающего наши симпатии между двумя героями, свидетельствует о том, что из рассуждений о ней ускользает что-то в ней прочитанное.

В "Медном всаднике" три главных героя: Петр, Нева и Евгений, — в пяти строчках зачина первые два названы открыто и определены во всей полноте, третий обозначен через образ:

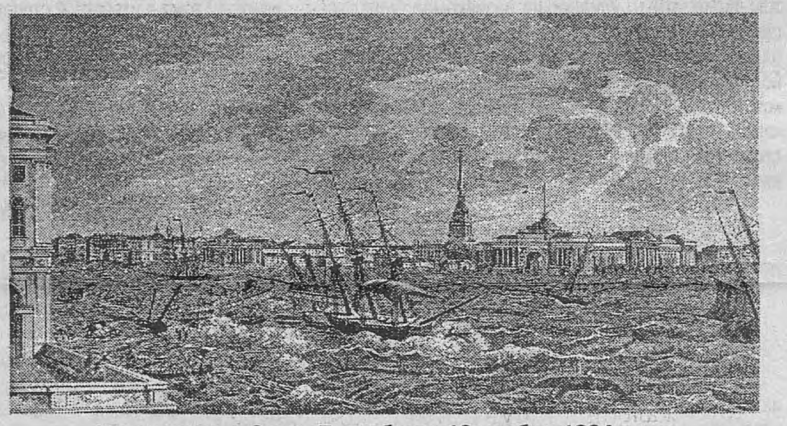
На берегу пустынных волн
Стоял Он, дум великих полн
И вдаль глядел. Пред ним широко
Река неслася; бедный челн
По ней стремился одиноко.

По существу, это ядро поэмы, здесь все, во что это пятистишие, раскрываясь, развернется в следующих пятистах строках. Внутреннее созвучие полустиший в двух начальных стихах:

на берегу — стоял Он, ***дум*** — придают им неколеблемую изваянность, статуарность, предвосхищающую тот Памятник, в который "Он", Петр, превратится на этом самом месте через 80 лет. Смысловое противопоставление ***"пустынных"*** и ***"полн"***, наоборот, включает их в безостановочное движение "по восьмерке". Идеальное равновесие, равно фонетическое и смысловое, полустишия ***"И вдаль | глядел"*** охватывает всю функциональную значимость фигуры Петра в дальнейшем развитии поэмы. С той же полнотой и определенностью безымянно представлена далее Нева. Челн, с тем же эпитетом "бедный", что впоследствии помешавшийся герой, заявлен как образ одиночки Евгения и одновременно как конкретная лодка, которая повезет его к месту трагедии.

Петр и Евгений сталкиваются в поэме по сюжету, реально — на площади, и фантастически — в воображении безумца. Но между реальностью и фантазией нет границы, нет швов: оживший памятник и ночное преследование не воспринимается как вымысел. И обеспечивается достоверность этой сцены не только выразительностью ее описания. Третий герой, героиня, Нева к этому времени успела приготовить читателя к ощущению происходящего неразрывно в двух планах: документальном и поэтическом.

Уже *"река* ***неслася"*** в 4-й строке "Вступления" читается и как сообщение "стремительно текла", и — особенно после ***"стоял Он"*** — как одушевленный образ. Натурные зарисовки *"бег санок вдоль Невы широкой", "мосты повисли над водами"* чередуются с видениями реки как живого существа, антропоморфной: *"в гранит* ***оделася"***, ***"взломав*** *свой синий лед, Нева к морям его* ***несет*** *и,* ***чуя*** *вешни дни,* ***ликует"***. С начала Первой части это уже только одушевленная стихия с четко выписанным характером и поступками, которая, впрочем, остается и материальной рекой с плавучими мостами, поднимающимся уровнем воды и рядами волн.



Наводнение в Санкт-Петербурге 19 ноября 1824 года.
Фрагмент гравюры неизвестного художника.

На протяжении всей драмы Нева агрессивна. Но то, что она враждебна к Евгению, улавливается читателем непосредственно и потому заслоняет то, что она враждебна и к Петру. Заклинание, произносимое в конце "Вступления":

Вражду и плен старинный свой
Пусть волны финские забудут
И тщетной злобою не будут
Тревожить вечный сон Петра!

— только подчеркивает постоянно исходящую от нее опасность для самой сути его дела, для его величия и его *"града"*. Заклинание не помогает, в момент катастрофы она *"как зверь остервенясь, на город кинулась": "Осада! приступ!"* Нева разрушает воплощенные — государственные — замыслы Петра и готовые осуществиться — личные — Евгения. И тому и другому остается лишь бессильно наблюдать ее триумф, и тот и другой принимают удар судьбы с одинаковым — по крайней мере, внешне — достоинством. В эту минуту они равны, оба — статуи, оба — всадники, неприступные и непреклонные:

В неколебимой вышине,
Над возмущенною Невою
Стоит с простертою рукою
Кумир на бронзовом коне;

На звере мраморном верхом,
Без шляпы, руки сжав крестом,
Сидел недвижный, страшно бледный
Евгений.

Москва

Продолжение следует.

Полностью цикл будет опубликован в журнале «Октябрь».

ях, Гракх Бабёф первым конкретно заговорил о нуждах дня. В своих статьях он, как хозяйка, отправляясь на рынок, совершенно конкретно подсчитывал, сколько стоит на сегодня килограмм хлеба, фунт масла или пара ботинок и другие предметы первой необходимости. Что же касается свободы и равенства граждан, то, утверждал он, *"эта свобода — идеальная, а равенство — иллюзорное"*.

Бабёф в своей борьбе за всеобщее счастье и благоденствие пытался остаться реалистом в средствах и методах, хотя сам образ его окружен в глазах историков каким-то романтическим, даже мистическим ореолом. Бабёфу было свойственно витийствовать, пророчествовать, предупреждать об опасности, следуя чаще всего своей интуиции.

Он был из тех *"пламенно-верующих"*, о которых писал Достоевский, готовых отдать жизнь, впрочем, не только свою (но и других тоже) за неведомое и непременно счастливое будущее. Он, как и горьковский герой Данко, готов был вырвать из своей груди сердце, чтобы осветить дорогу людям, как всегда, бродящим в потемках. Только в отличие от героя "Старухи Изергиль" Гракх Бабёф вынимает сердце не из собственной груди, а из груди своей умершей малолетней и горячо любимой дочери. Причем половину сердца он съедает, а другую долгое время носит на собственной груди — такая жуткая людоедская легенда сопровождает историю жизни этого французского революционера.

Для достижения конечной цели — всеобщего благоденствия Бабёф предлагает, по его собственному выражению, *"стимулировать народный гнев"*. Но что же это означало, как не подстрекательство к бунту? А для организации бунта необходим заговор, который и был организован Бабёфом и его группой, называвшейся "Заговор равных", в 1795 году.

Заговор был подавлен, участники наказаны, а сам Бабёф заключен в тюрьму. В своем последнем письме к жене и детям, которых он, кстати сказать, оставлял без тех самых необходимых средств к существованию, за которые призывал бороться, он писал, что не представляет себе личного счастья вне всеобщего, вероятно, полагая, что это как-то сможет утешить будущую вдову. Закончил он это письмо с какой-то детской наивностью, которая никак не вяжется с образом этого "пламенного революционера" и основоположника коммунистического движения: *"Злые люди победили, и я им сдаюсь..."*

Методы, предложенные этим первым коммунистом, как то: подстрекательство к бунту и заговор, — будут использованы коммунистами следующих поколений. О "Заговоре равных" можно прочитать в многочисленной литературе, посвященной Бабёфу, можно даже познакомиться с его рукописями, многие из которых находятся в русских архивах.

А у кого нет этого желания, те могут получить представление об организации механизма революционного заговора по роману Достоевского "Бесы". Писатель предвидел *"картину России, покрытой бесконечной сетью узлов революционных ячеек. Каждая из этих "кучек", распространяясь боковыми отделениями в бесконечность, имеет в задаче (...) зародить цинизм и скандалы, полное безверие во что бы то ни было, жажду лучшего и, наконец, действуя пожарами, как средством народным по преимуществу, ввергнуть страну, если надо, даже в отчаяние..."*

И свершилось по предсказанию.

2. Этьен Кабе (Кабет)

Вторым французским коммунистом (в начале прошлого века коммунистов во Франции можно было сосчитать по пальцам) был несомненно Этьен Кабе, или Кабет, как произносил это имя Федор Михайлович Достоевский, хорошо знавший учение и произведения этого теоретика коммунизма.

Но даже если в те времена коммунистов было мало, каждый из них в своем лице представлял целое направление. *"Самым популярным, хотя и самым поверхностным представителем коммунизма"* считал Кабета "незабвенный" Маркс, затмивший, как известно, своей популярностью всех предшествующих коммунистов.

Этьен Кабет был современником Гракха Бабефа. Но жизнь Бабефа оборвалась очень рано, тогда как Кабет дожил почти до семидесяти лет — он родился в 1788-м и умер в 1856 году.

Этьен Кабет терпеть не мог Бабефа ни как человека, ни как теоретика коммунизма, считая его теорию коммунистического построения общества ложной, а свою, разумеется, правильной. *"Сколько зла принес заговора Бабефа,* — возмущался Кабет, — *нет, не нужно никакого насилия, ни революции, — следовательно, ни заговоров, ни покушений"*. И Кабет предлагает свой план построения коммунизма не насильственным, а мирным путем.

Создать свою теорию уже достаточно трудно, изложить ее так, чтобы ее дочитали до конца, еще труднее. Кабет это хорошо понимал и сделал все, чтобы заинтересовать своей программой все слои современного ему общества и *"особенно женщин"*, по его собственному выражению. И *"для этого,*— добавляет он, — *я имел смелость изложить ее в форме путешествия"*.

На деле у Кабета получился роман под названием "Путешествие в Икарию". Икария — это неведомая страна, куда, может быть, и долетел бы мифический Икар, если бы не разбился в пути. Впрочем, в романе страна Икария названа именем Икара, *"диктатора, избранного народом"* (никакого насилия) и избавившим замученный икарский народ от ига некоего *"злого Ликсдокса"*. Описание Икарии и составило детальный план социальной, экономической и политической организации желаемого Кабетом коммунистического общества.

Париж

Продолжение следует.